

смещение событий: в княжение Владимира русский народ ведет ожесточенную борьбу против татар.

Какова же при таких условиях должна быть сама методика сравнения вариантов? Можно ли, допустим, принять за истинный критерий большинства вариантов? Очевидно, не всегда. Может случиться так, что большинство вариантов относится к позднему времени; может случиться, что они записаны от сказителей одной былинной традиции (например, онежской); может случиться и так, что большинство вариантов будет восходить к одному какому-либо книжному источнику и т. д. и т. п. Если это так, то есть ли основания предпочитать единичные варианты большинству? Все эти вопросы давно поставлены наукой, но, к сожалению, еще не решены (см., например, критику исторической школы в работе А. П. Счафтымора «Поэтика и генезис былин», Саратов, 1924).

Определяемый задачей исследования субъективный произвол в оценке вариантов царил в фольклористике всегда. Приходится сказать, что субъективизм характерен и для работы В. Я. Проппа. Автор даже не поставил перед собой задачи выработки критерия оценки вариантов, или, правильнее сказать, таким критерием является для него цель, к которой он стремится. Иногда он предпочитает большинство вариантов единичным записям, иногда единичные записи предпочитает большинству.

Возьмем для примера анализ исследователем былин о Казарине. В начале этого анализа, сравнивая различные варианты былин, он приходит к выводу, что нужно положить «в основу изложения преобладающий тип, преобладающий во всех районах, где были записаны былины, а именно тот, который начинается с выезда Казарина...» (стр. 150). При дальнейшем анализе «преобладающий тип» вариантов явно не устраивает исследователя, так как в нем похитителями девушки — сестры Казарина — всегда выступают татары, а ему нужно доказать, что былина — дотатарская. И вот он находит, что «в одном беломорском варианте девушку уносит „змея семиглавая“» (стр. 156). А это как раз то, что нужно исследователю, потому что «похищение женщины составляет один из главных предметов в догосударственном эпосе. Там оно обычно совершается чудовищными существами, хозяевами и обитателями иного мира, обычно имеющими животный облик» (стр. 155).

И так во многих случаях. В сущности, это уже не метод сопоставления, ибо при таком использовании деталей доказательства неизбежно будут произвольны. Таким методом можно, например, доказать, как это делает В. Я. Пропп на стр. 77 своей работы, что русские крестьяне знали закон всемирного тяготения задолго до Ньютона. Во многих былинах Алеша Попович выступает как «бабий пересемщик». В. Я. Пропп же находит эту черту в образе богатыря случайной, а образ Василия Булаева представляется исследователю чем-то вроде русского Прометея, борца за народное счастье и т. д.

Аргументация доказательств в рецензируемой работе недостаточна и при определении времени возникновения отдельных былин. Так и остается недоказанным, например, отнесение «Дюка» к позднему времени или былины о Святогоре к древнейшей поре. Что заставило В. Я. Проппа отступить от общепризнанного мнения о том, что Святогор — поздняя былина, так и остается неясным. В книге В. Я. Проппа Святогор стал героем «тех времен, когда величина и сила были основными признаками героя» (стр. 75), т. е. героем докиевской Руси. Так же произвольно в ряде случаев выделяется и главная тема былины. В. Я. Пропп, придя к выводу, что былины о сватовстве — древнейшие, отнес к ним и те былины, в которых о сватовстве нет даже и намек (например, былина о Садко).

Субъективизм в подходе к материалу, естественно, приводит к субъективизму в его оценке, и это также отразилось в книге В. Я. Проппа.

В рецензируемой работе, как следует из сказанного, есть некоторые серьезные недостатки. Но в целом написанная им книга должна оцениваться не по этим недостаткам, а по тому ценному, что в ней имеется. Недостатки работы В. Я. Проппа объясняются не столько его субъективными промахами, сколько общим состоянием науки. В этих условиях смелость автора, взявшегося за решение самых сложных вопросов науки о народном эпосе, не может не быть одобрена, а появление его книги, посвященной исключительно важным проблемам фольклористики, следует рассматривать как большое положительное явление.

П. Д. Ухов

В. Ю. Крупянская и С. И. Минц. *Материалы по истории песни Великой Отечественной войны*. Труды института этнографии АН СССР, Новая серия, т. XIX, М., 1953.

Изучение устнопоэтического творчества советского народа периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — трудная, но почетная задача, стоящая перед советскими фольклористами. В художественных, глубоко волнующих образах безвестные авторы фронтовых и партизанских песен отобразили ход Великой Отечественной войны, веру в победу народа. Живая летопись войны — песни, пословицы, частушки — продолжают жить и по сей день своеобразной творческой жизнью, жить как воспоминание о пройденном и пережитом.

Собирание и изучение фольклора Великой Отечественной войны началось с первых месяцев войны. Вот уже около 15 лет Государственный литературный музей, Всесоюзный дом народного творчества им. Н. К. Крупской, Институт этнографии АН СССР, Институт русской литературы АН СССР и ряд союзных и областных организаций собирают, публикуют и изучают фольклор этого периода. За последние 10 лет накопилось довольно большая литература; было проведено несколько крупных научных совещаний по этому вопросу.

Сделано немало, но предстоит сделать еще больше. Нужно теоретически осмыслить накопленный материал, изучить творческие процессы создания песен Великой Отечественной войны, проследить их связь с традиционным фольклором и с народным творчеством советских людей довоенного периода, вскрыть роль советской авторской песни в создании так называемых народных вариантов, проследить за ролью музыки в деле усвоения и распространения песни. Перед фольклористами стоит задача показать роль художественной самодеятельности в формировании фронтового фольклора, вскрыть новые формы бытования фольклора на фронте, охарактеризовать роль печати, радио, фронтовых ансамблей в популяризации новых песен на фронте, в партизанских отрядах и т. д.

При большом объеме собранного и частично опубликованного материала особенно остро ощущается недостаток серьезных теоретических работ, обобщающих частные наблюдения, намечающих какие-то закономерности развития, вскрывающих глубинные процессы поэтического творчества народных масс в годы Великой Отечественной войны. Поэтому не только специалист, но и массовый советский читатель с большим интересом ознакомится с рецензируемой работой В. Ю. Крупянской и С. И. Минц. С особым чувством прочтут эту книгу непосредственные участники Великой Отечественной войны — творцы и исполнители фронтовых песен, те, кто сложил о песне поговорку: «В ночи песня — свет, в жару — тень, в мороз — телогрейка». Громадная организующая роль песни на фронте по заслугам оценена и солдатами, и офицерами, и генералами. Генерал армии И. Х. Баграмян, например, вспоминает: «Именно в этот труднейший момент я наблюдал явление неожиданное и в то же время вполне закономерное: у народа-великана и прежде всего у русского народа родилось в те дни много песен, они были бойдры и воспевали славу Родины и ненависть к врагу, мужество, отвагу, боевую дружбу — все то, что помогало преодолеть военные трудности, которым не было числа»¹.

Авторы рецензируемой книги правильно поступили, избран для своего исследования именно песню. Среди самых разнообразных жанров народного творчества периода Великой Отечественной войны ведущее место, безусловно, принадлежит песне во всех ее видах.

Сборнику предпослана краткая, но весьма содержательная вводная статья, раскрывающая важнейшие проблемы изучения народного творчества военных лет. Конечно, авторы не могли — да они и не имели перед собой такой задачи — поставить и решить все основные проблемы. Но они в ряде случаев по-новому взглянули на фронтовую песню, тщательно проанализировали ее и сумели сделать существенные научные выводы. Серьезное значение имеют, например, наблюдения над исполнителями песни, условиями бытования, тематикой и образами песен; новые и свежие сведения получит читатель и из анализа песенного репертуара. Особенно интересны выводы авторов о взаимоотношениях профессионального и непрофессионального творчества — по этому важному вопросу до настоящего времени не сказано ничего нового по сравнению с теми данными, которые добыты авторами сборника. Выводы статьи основываются не только на материалах данной книги; авторы привлекли для своего анализа большой рукописный материал различных московских хранилищ; анализ песенного материала во вводной статье дополняется комментариями составителей к отдельным песням сборника.

Трудно, конечно, давать какие-либо рекомендации авторам, стесненным жесткими рамками предисловия (1 п. л.), относительно расширения анализа песен, но на одном вопросе нельзя не остановиться. Составители сборника с большой убедительностью и полнотой проанализировали идейное содержание песен Великой Отечественной войны, менее подробно остановились на их тематике, совсем бегло проанализировали образы песен и почти не затронули художественную поэтику, структуру песни. А ведь все эти песни — художественные произведения; в них дается образное осмысление действительности. Авторы сборника не случайно игнорировали художественную сторону песни. Сделав правильный вывод о том, что «в художественном отношении некоторые песни армейских и партизанских поэтов стоят невысоко» (стр. 73), авторы заключили, что ценность фронтовых песен — лишь в той «непосредственности, которая делает их подлинным документом своего времени, в агитационном значении, в той роли, которую они играли в дни войны» (там же). Научное издание песен диктуется, как говорят авторы, «исторической и общественной значимостью собранного материала», — художественная сторона снова, как мы видим, остается в стороне.

¹ Цит. по автореферату кандидатской диссертации Х. А. Кан-Шаргородской «Советская Армия в народном поэтическом творчестве», Киев, 1949, стр. 12.

Верно ли это? Думаю, что нет. Весь материал сборника опровергает эту мысль составителей. Не только те песни, которые являются народными вариантами песен советских поэтов, но и самостоятельные песенные произведения фронтовиков представляют собою поэтическое творчество. Таковы песни «Вперед, дивизия» (№ 1), «Марш 51 отдельной зенитно-артиллерийской дивизии» (№ 5), «Песня об Анке Грайтеровой» (№ 41), «Твоя фотография» (№ 67) и многие другие. Если бы составители сборника имели большие возможности, они, несомненно, опубликовали бы не 107 песен, а по крайней мере в два раза больше. Среди не включенных в сборник песен встречаются необыкновенно выразительные и глубокие, по-настоящему волнующие произведения, свидетельствующие о творческом и прочувствованном, истинно поэтическом отображении действительности. Такова песня «Письма сержанта», опубликованная в неполном виде в сб. В. Кравчинской и П. Ширяевой «Русские народные песни (Материалы к изучению фольклора народов СССР)», Л.—М., 1950, № 63, стр. 61—62), а также песня «Милая, не плачь, не надо», рисующая глубокое и самоотверженное чувство бойца к своей любимой.

Авторы сочли возможным умолчать и о такой важной стороне песни, как ее музыкальное оформление. Следовало бы во вводной статье сказать о том, что музыка, напев песни порой имели решающее значение для ее популярности. Составители упоминают о роли напева и мелодии в комментариях к отдельным песням, но в вводной статье, дающей общетеоретическую оценку народному песенному творчеству, об этом не сказано. Сборник, конечно, много выиграл бы, если бы он включал в себя нотную публикацию песен. Но по независящим от составителей условиям (отсутствие подобных записей периода войны) выполнить это требование они были не в состоянии.

Из более мелких замечаний по вводной статье остановлюсь на двух. Авторы, приводя высказывания исполнителей и собирателей песен, а также цитируя архивный материал, ограничиваются глупыми ссылками на одно архивохранилище, не указывая ни фонды, ни номера дел (см. стр. 9, 13, 14, 17, 20, 21 и др.). Без помощи самих составителей никто по подобным ссылкам найти нужный материал не сможет. Такая система цитирования в академическом издании неприемлема. Редактору сборника следовало бы строго отнестись к этой стороне оформления книги. Второе замечание касается оценки образа советской девушки в песне «Катюша» Исаковского. Авторы статьи полагают, что девичий образ в песне «Катюша» «по существу равен образу девушки — фронтовой подруги в песнях Великой Отечественной войны, созданных на тему „Катюши“ (стр. 21). Едва ли это справедливо. Катюша-фронтовичка в партизанской и фронтовой песне приобрела такие новые черты, которые позволяют говорить о новом образе, продолжающем и развивающем старый образ верной невесты до высокого образа девушки — боевой подруги, верного соратника и фронтового друга, активного борца за свободу родной земли. Образ песни Исаковского — лишь отправной пункт для создания образа Катюши-фронтовички.

Сборник отличается высоким качеством обработки публикуемого материала, скрупулезной тщательностью в отборе песен, добротностью комментариев (особенно хороши комментарии к песням № 26 и 46 — «Он был рожден для светлой жизни» и «Кочегар»; некоторые комментарии, по сути дела, являются небольшими исследованиями по истории песни). Составители сборника были одновременно и собирателями песен Великой Отечественной войны, что весьма благотворно сказалось на подготовке его к печати.

Во вводной статье «От редакции» читатель специально предупреждается, что сборник «является научным изданием, содержащим материалы для разработки теоретических вопросов, а не песенником и не специальным художественным изданием» (стр. 3). Вопрос о принципах научной публикации фольклорных текстов сложен и во многом не разработан. Конечно, все фольклористы соглашались с тем, что необходимо точно передавать текст записанного произведения. Но этот совершенно справедливый принцип применим, однако, лишь к тем случаям, когда имеется совершенно точная запись устно-поэтического произведения с голоса опытным фольклористом. Но как быть с песнями изучаемого периода, которые дошли до нас в основном в виде авторских записей, выписок из дневников и записных книжек, когда случаи квалифицированной научной записи песни на фронте насчитываются буквально единицами? Поэтому составители совершенно верно поступили, когда они не стали придерживаться буквальноного воспроизведения имеющихся в их распоряжении оригиналов записей песен. Они исправили явные ошибки переписчиков, копистов и собирателей, дали грамотный текст песен, правильно расставили знаки препинания и т. д. Сборник, рассчитанный не только на исследователей, но и на широкие слои советской интеллигенции, на тех, кто в юности шагал с этими песнями пыльными дорогами войны, — этот сборник, конечно, не должен был следовать ложному академизму в отношении передачи текста. Но выход этого сборника — не завершение, а только этап в научном издании песен Великой Отечественной войны, за которым должна последовать академически полная и точная публикация всех сохранившихся вариантов и текстов. Народное творчество периода Великой Отечественной войны заслуживает этого.

Возвращаясь к принципам публикации в данном сборнике, отмечу некоторые недочеты. Напрасно составители в примечании к № 28 («Песня о Суркове») не оговорили, что многоточия в данном случае принадлежат подлиннику, а вовсе не означают публикации песни в извлечении, как может предположить читатель. Следовало бы

также оговорить в примечании, что песня № 18 публикуется так, как она точно записана В. Ю. Крупянской с голоса: ведь принцип подачи текста этой песни отличается от подачи текстов других записей. Да и вообще в конце предисловия следовало бы сказать об основных принципах передачи песенных текстов в данном сборнике.

Вторым важным вопросом научной публикации текстов является их точная паспортизация. Исследователи (а именно для них в первую очередь создана данная книга) должны в случае нужды сами найти публикуемый в сборнике оригинал, сверить его с текстом и решить, можно ли пользоваться настоящей публикацией для научной работы. Однако примечания к отдельным песням не дают возможности этого сделать. Ссылки чрезвычайно глухи: «Архив Института этнографии АН СССР...» (№ 7) или «Архив Гос. лит. музея...» (№ 12). В некоторых случаях, правда, местонахождение оригинала несколько уточняется, например, «Из материалов С. Красноштанова; Архив Института этнографии АН СССР...» (№ 13) — но и это следует признать недостаточным. Научная публикация текста требует обязательного сообщения шифра рукописного материала, хранящегося в каком-либо архиве. В сборнике встречаются такие тексты, которые вообще не имеют ссылки на местонахождение оригинала. Неизвестно, где хранится оригинал песни 50-й армии, записанный А. К. Мореевой (№ 4), а также походной песни воинов-гвардейцев, текст которой сообщен И. Н. Кривохатским (№ 16); эти примеры не единичны (см. № 60, 64, 76, 77, 106, 107). В некоторых примечаниях о месте хранения оригинала сказано так неясно, что трудно решить, где же искать ту запись, которую опубликовали составители (см., например, комментарий к № 27, 43, 50 и др.).

Третьим серьезным вопросом научной публикации текстов является отбор публикуемых песен. В основном составители хорошо справились со своей задачей и дали в руки исследователю во всех отношениях доброкачественный и полноценный материал. В подавляющем большинстве случаев составители отобрали самые художественные варианты песен, правдиво и полно передающие характер фронтовой песни. Можно сделать лишь частные замечания по вопросу отбора. Так, сомнительна популярность песни № 31 («Воет ветер за снежной пургой»); комментарий к песне скуп и мало что добавляет к характеристике текста. Неясно, где, в каких частях и когда пелась «Песня танкиста» (№ 45) — в примечании не сказано даже, когда эта песня внесена в дневник, из которого она была переписана собирателем. Из комментария к № 104 («Орлята») нельзя установить, действительно ли широко пелась песня об Иване Кожедубе. Но в основном составители обнаружили хороший вкус и правильную политическую ориентировку, отобрав из громадного количества вариантов самое лучшее. Этим сборник В. Ю. Крупянской и С. И. Минц выгодно отличается от других подобных публикаций.

Можно пожалеть, что составители не учли опыт предшествовавших публикаций и отказались от систематизации публикуемых текстов. Сгруппировав песни в своеобразные циклы, они не дали их тематического обозначения. Исследователь, следовательно, должен сам определить, что песни № 1—17 — это маршевые песни частей; песни № 18—28 — это героические фронтовые песни и т. д. Едва ли это помогает читателю и исследователю ориентироваться в сборнике, искать нужные ему по тематике песни.

Как уже указывалось выше, комментарий к песням написан на высоком научном уровне. Можно сделать только отдельные уточнения и главным образом пожелания в сторону расширения сообщаемых сведений. Так, было бы желательно знать, о каком это 245-м «никогда не отступавшем полке» поется в песне «Ой, как шли по снежным перекатам» (№ 13). Действительно этот полк никогда не отступал или это — художественный образ? В примечании к № 14 («Песня тащинцев») следовало бы указать, что «белая стрела» («По грозным ударам, по белой стреле враги узнавали тащинцев») — это отличительный знак на боевых машинах 2-го гвардейского тащинского корпуса. В примечании к № 36 говорится об интересных переделках песни «Тучи над городом встали», но что это за песни, каково их содержание, как отразилась в них жизнь девушек в немецком лагере — читатель так и не узнает; мало того, из комментария не ясно, в каком архиве хранятся эти песни (стр. 82). Хотелось бы увидеть более подробный комментарий к песне об Анке Грайтеровой, героине-ельчанке, именем которой названа одна из улиц Ельца.

Нельзя, конечно, упрекать составителей за то, что они приводят не все известные варианты той или иной песни, тем более, что некоторое число этих новых вариантов находится у собирателей и еще не опубликовано. Но иногда отсутствуют необходимые ссылки и на уже известные материалы. Например, напрасно составители не привлекли для своего комментария к песне «Утес» запись, приведенную в романе А. Первенцева «Честь смолоду» («Октябрь», 1948, № 7, стр. 75—76). В этом варианте есть один куплет, которого нет в публикуемом тексте, но который содержит выразительные подробности сталинградского военного быта:

Там в дыму боевом
Смерть гуляла кругом,
Но герои с постов не сходили,

Кровь смывали порой
Черной волжской водой
И друзей без гробов хоронили...

Напрасно также составители не воспользовались более полным вариантом «Фотокарточки», опубликованным в «Известиях АН СССР» (Отделение литературы и языка, т. XI, вып. 6, 1952, стр. 538). Неясно, почему составители сборника не использовали работу И. Н. Розанова, посвященную народным вариантам «Катюши» Исаковского (см. стр. 106 и сл.). В некоторых комментариях не указывается время записи текста, хотя это может иметь важное значение для определения продолжительности жизни той или иной песни (см. № 59 — «Стихли залпы последние» и № 107 — «Эй, друзья, сильнее грянем»). Отдельные положения в примечаниях даны без убедительной аргументации; так, связь песни № 64 («Мой мальчик») с «Землячкой» Суркова-Листова, о которой говорят составители (см. стр. 131), остается неясной.

Сборник имеет научный справочный аппарат: «Указатель имен советских поэтов и композиторов, упоминаемых в комментариях к песням», и «Указатель песен, на мотивы которых исполнялись песни Великой Отечественной войны». Необходимость обоих указателей не вызывает сомнения, но принцип, по которому составлялся первый указатель, остается неясным. В самом деле, почему Г. И. Фроловский, шесть песен которого публикуются в сборнике, в указатель не вошел, а П. Акуленко, Алексеев, В. Белый, З. Кац и другие, у которых вошло в сборник лишь по одной песне из всех, ими сочиненных, в указателе помещены? Если составители руководствовались здесь принципом профессиональности, то ведь в вводной статье они показали, как тесно переплеталось между собой творчество профессиональных и непрофессиональных поэтов. Было бы гораздо правильнее включить в указатель фамилии всех упоминаемых в комментариях к песням авторов, исполнителей и собирателей фронтовых песен. Второй указатель к сборнику составлен очень тщательно и послужит хорошим подспорьем для каждого, занимающегося историей песни Великой Отечественной войны.

Авторы посвятили свою книгу «Героической советской молодежи, сражавшейся на фронтах Великой Отечественной войны» (стр. 5). Они сделали большое и благородное дело, сохранив для потомков «песни былых походов». Вышедший в свет сборник — удачное в целом завершение трудоемкой и сложной работы составителей по собиранью, систематизации и научной обработке песен Великой Отечественной войны. Помимо большого научного значения, сборник имеет и громадное воспитательное значение: на помещенных в нем песнях советская молодежь будет учиться мужеству и героизму.

Л. Н. Пушкарев

С. И. Руденко. *Башкиры. Историко-этнографические очерки. Башкирский филиал АН СССР. Институт истории, языка и литературы. М.—Л., 1955.*

В рассматриваемой книге дано подробное описание хозяйства, материальной культуры, семейного быта и народного творчества башкир в конце XIX — начале XX в. По существу рецензируемая работа представляет собой повторное издание второй части монографии «Башкиры», опубликованной в 1925 г.¹ Правда, автор, учитывая серьезные успехи, достигнутые советской этнографической наукой за 30 лет, разделяющих эти издания, существенно пополнил и переработал материал и пересмотрел некоторые прежние выводы. В соответствии с этим увеличилось количество глав, причем главы I—III, содержащие описание природных условий Башкирии, исторический очерк и характеристику общественного строя башкир, написаны заново. Специальная глава (XV) посвящена этногенезу башкир. Все это существенным образом улучшило книгу, хотя автор и не смог преодолеть отдельные ошибки и недочеты первого издания своей работы.

Рецензируемая работа состоит из 15 глав и заключения. В кратком историческом очерке (глава II) автор основное внимание уделил древнему, наименее изученному периоду истории Башкирии. Несмотря на слабую в целом археологическую изученность территории Башкирии, С. И. Руденко, привлекая довольно широкий круг материалов, начиная с эпохи палеолита, наметил основные этапы истории племен Приуралья до сложения племенных объединений и далее до оформления башкирской народности. Выводы С. И. Руденко по древнему периоду истории Башкирии, несмотря на недостаточную аргументированность, не могут не вызвать интереса, так как имеют важное значение для научной разработки вопросов этногенеза башкир.

В главе III приведены интересные сведения о земельных отношениях в Башкирии с момента ее присоединения к Русскому государству и о родоплеменном составе башкир в XVIII в. Автор попытался также разобраться в характере общественных отношений башкир.

¹ Первая часть монографии С. И. Руденко «Башкиры», посвященная характеристике физического типа башкир, была опубликована в 1916 г.